

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката П.

30.10.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Конины Н.Н., Краузе С.В., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 30.10.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката П. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 30.01.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката П. послужило обращение председателя Ленинского районного суда Санкт-Петербурга В.Е.А., поступившее в АП СПб 29.01.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 31.01.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 31.07.2025 адвокатом П. допущено нарушение взаимосвязанных положений:

- подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *«Адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он... оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.»;*

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *«Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»* и

- подп. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.»;*

- подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: *«Адвокат не вправе... оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 настоящего Кодекса.»;*

- п. 1 ст. 11 КПЭА: *«Адвокат не вправе быть советником, защитником или*

представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.»;

- п. 4 ст. 13 КПЭА: «Адвокат-защитник обязан обжаловать приговор: 1) по просьбе подзащитного; 2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; 3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.».

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 30.10.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Квалифкомиссия установила, что в производстве судьи Ленинского районного суда Санкт-Петербурга В.Е.А. находилось уголовное дело № в отношении К.И.В., по которому судом 07.05.2024 было вынесено частное постановление в связи с нарушениями, допущенными со стороны адвоката П.

В частном постановлении сообщается, что защиту К.И.В. как в ходе дознания по уголовному делу, так и в ходе судебного разбирательства осуществлял адвокат П., который вступил в дело с 08.08.2023 на основании представленного им в материалы уголовного дела ордера (на стадии предварительного расследования) и ордера от 19.12.2023 (на стадии судебного следствия).

Постановлением Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 19.03.2024 адвокат П. был отстранён от дальнейшего участия в производстве по уголовному делу № в качестве защитника подсудимой К.И.В.

Постановлением Ленинского районного суда Санкт-Петербурга 07.05.2024 уголовное дело № в отношении К.И.В., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ, возвращено прокурору Санкт-Петербурга.

Основанием для возвращения уголовного дела прокурору явилось нарушение адвокатом П. императивных требований уголовно-процессуального закона РФ, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, в соответствии с которыми недопустимо представление интересов лиц, интересы которых противоречат друг другу.

Адвокат П. осуществлял защиту К.И.В. как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. При этом ранее он принял на себя обязанности по защите У.И.И. и П.А.Э. при рассмотрении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, оспаривая факт занятия указанными лицами проституцией, при том, что К.И.В. обвиняется в организации занятия проституцией с участием У.И.И. и

П.А.Э. в том же месте и ту же дату. У.И.И. и П.А.Э. были признаны мировым судьёй виновными в занятии проституций по данным событиям и являются свидетелями стороны обвинения по уголовному делу в отношении К.И.В., то есть их интересы противоречат интересам К.И.В.

Адвокат П. в заседании Квалифкомиссии не оспаривал фактические обстоятельства, но высказал несогласие с позицией суда о наличии коллизии в позициях К.И.В., У.И.И. и П.А.Э.

Как следует из информации, расположенной на сайте Санкт-Петербургского городского суда, 19.06.2024 указанным судом было принято к производству дело № по апелляционной жалобе на постановление Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 19.03.2024 о возвращении уголовного дела прокурору, но 08.08.2024 производство по делу было прекращено в связи с отзывом апелляционной жалобы. Таким образом решение суда о необходимости вернуть прокурору уголовное дело в отношении К.И.В. в связи с нарушением её права на защиту со стороны адвоката П. вступило в законную силу и доводы суда в настоящее время не оспорены.

Квалифкомиссия посчитала установленными и не оспоренными адвокатом факты первоначального представления адвокатом П. интересов У.И.И. и П.А.Э. при рассмотрении жалоб на постановления мирового судьи по делам об административных правонарушениях, которыми оспаривался факт занятия указанными лицами проституцией в дату 02.08.2023 по адресу: и назначенное им судом наказание. Впоследствии адвокат П. заключил соглашение и принял защиту по уголовному делу К.И.В., которая в свою очередь обвинялась в организации занятия проституцией, в том числе У.И.И. и П.А.Э. в том же месте и ту же дату. У.И.И. и П.А.Э. являлись свидетелями стороны обвинения в уголовном деле в отношении К.И.В., то есть их интересы противоречили интересам К.И.В.

При таких обстоятельствах Квалифкомиссия признала презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой доводами частного постановления суда, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной, поскольку адвокат П. сознательно осуществлял защиту лиц, одновременно совершивших противоправные действия. По мнению Квалифкомиссии, тот факт, что К.И.В. привлекается к уголовной ответственности, а У.И.И. и П.А.Э. привлекались к административной ответственности, являясь в уголовном деле К.И.В. свидетелями, не позволяло адвокату П. принять защиту в условиях коллизии, поскольку для адвоката было очевидно прямое отношение всех фигурантов к одним и тем фактическим обстоятельствам, но при этом данные лица имели различные позиции по юридически важным вопросам в соответствии со своим процессуальным статусом.

Совет АП СПб приходит к выводу, что фактические обстоятельства Квалифкомиссией установлены правильно, но при этом допущена ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

Правовая оценка Квалифкомиссией действий адвоката П. сводится фактически к тому, что принимая на себя защиту К.И.В., тот действовал в условиях конфликта интересов доверителей (коллизии), поскольку в уголовном деле его настоящий и бывший доверители «имели различные позиции по юридически важным вопросам в соответствии со своим процессуальным статусом».

Вместе с тем, Совет АП СПб приходит к выводу, что конфликт интересов не во

всех случаях возникает *ipso facto* у лиц с различным процессуальным статусом, тем более что не каждый процессуальный статус предполагает наличие самостоятельной правовой позиции. У обвиняемого по уголовному делу, несомненно, имеется материально-правовой интерес в исходе дела, однако данное утверждение не относится к свидетелю.

Свидетелем, согласно ч.1 ст. 56 УПК РФ, является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Федеральный законодатель справедливо не дифференцирует свидетелей в уголовном процессе по каким-либо основаниям, определяя, что они не относятся ни к числу участников со стороны защиты, ни со стороны обвинения. Указание следователем на У.И.И. и П.А.Э. как на «свидетелей обвинения» не означает, что эти лица приобретают самостоятельный юридический интерес в исходе дела, отличный от интереса какой-либо из сторон.

Таким образом, устанавливая наличие конфликта интересов К.И.В. и свидетелей У.И.И. и П.А.Э., Квалифкомиссия должна была указать, в чём конкретно этот конфликт проявляется.

В частности, это могло выразиться в том, что обвиняемая К.И.В. и бывшие доверители адвоката У.И.И. и П.А.Э. сообщали в своих показаниях по уголовному делу различные сведения, например, К.И.В. отрицала факт знакомства со свидетелями, либо утверждала, что У.И.И. и П.А.Э. её оговаривают или просто сообщают следствию и суду недостоверную информацию. Подобные обстоятельства Квалифкомиссией в заключении не приводятся.

Из смысла действующего законодательства об адвокатской деятельности вытекает, что конфликт интересов доверителей не может быть установлен в конкретном деле исходя лишь из предположения о возможности возникновения противоречия интересов в будущем. Напротив, противоречие интересов доверителей должно иметь место на момент принятия адвокатом поручения на защиту.

Таким образом, положения подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, о том, что адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, и положения подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА, о том, что адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 КПЭА, адвокатом П. не нарушены.

Установленные Квалифкомиссией обстоятельства не подтверждают также нарушение адвокатом П. положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и взаимосвязанного с ним подп. 1 ст. 8 КПЭА, согласно которым адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством Российской Федерации средствами, честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и КПЭА.

П. не допущено и нарушений п. 1 ст. 11 КПЭА, устанавливающих запрет для адвоката быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, поскольку из установленных обстоятельств

следует, что он осуществлял защиту К.И.В., защиту У.И.И. и защиту П.А.Э. не в одном деле, а в трёх разных делах. Кроме того, его доверители не являются и никогда не являлись ни в одном из этих дел «несколькими сторонами», не установлено, как указано выше, какого-либо определенного противоречия интересов этих лиц.

Не усматривает Совет АП СПб также и нарушения адвокатом П. положений п. 4 ст. 13 КПЭА, то есть требования по обжалованию приговора суда, поскольку защитник был отведён до окончания судебного следствия и, соответственно, до постановления судом приговора по делу К.И.В.

Кроме этого, Совет АП СПб полагает, что ссылка на указанную норму приведена в заключении Квалифкомиссии ошибочно, поскольку заявителем подобные дисциплинарные претензии не выдвигались и Квалифкомиссией не анализировались.

Скорее всего, имелся в виду п.1 ч. 1 ст. 13 КПЭА, согласно которому помимо случаев, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, адвокат не вправе принимать поручение на осуществление защиты по одному уголовному делу от двух и более лиц, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

Однако такого нарушения Совет АП СПб также не усматривает, поскольку поручение на осуществление защиты по одному уголовному делу от двух и более лиц адвокат П. не принимал, заявитель на такие обстоятельства не ссылался, Квалифкомиссией они установлены не были.

При таких обстоятельствах **дисциплинарное производство** в отношении адвоката П. **подлежит прекращению** вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

С учётом вышеизложенного Совет АП СПб признаёт, что презумпция добросовестности адвоката П. в ходе дисциплинарного разбирательства не была опровергнута, а его вина в совершении дисциплинарного проступка – не установлена. Правильно и полно установив фактические обстоятельства дисциплинарного дела, Квалифкомиссия сделала ошибку в правовой оценке деяния адвоката.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству ... решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса.»*

При таких условиях Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката П. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.